

УДК 398.8

EDN DMIBKO

Научная статья

<http://centrniign.ru>

ISSN 2307-5775 (Print)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ МОРДВЫ-ЭРЗИ КОЧКУРОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИИ 2022 г.

И. В. Зубов^{1,2} ✉, Е. И. Евстигнеева²

¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия

² Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск, Россия
✉ komoro@rambler.ru

Аннотация

Проблема изучения автохтонных песенных традиций является одной из актуальных в региональной российской фольклористике. Ее поэтапное решение позволит в перспективе устанавливать связи с переселенческим устно-поэтическим творчеством в целом, выявлять генетическое сходство в изучаемых ареалах, уточнять особенности и причинно-следственные связи трансформаций, происходящих на уровне сюжетов, мотивов и отдельных эпизодов в синхронно-диахронном срезе. Большим вкладом в описание локальных фольклорных традиций станет определение структурно-типологических характеристик, в частности поэтики, музыкально-стилевых параметров приуроченных и неприуроченных песен и др. Более широкий, комплексный подход к данному вопросу позволит актуализировать текстологическое и музыковедческое исследование локальных и региональных традиций, обнаруживать новые песенные образцы и определять изменения внутри жанровых границ конкретных произведений. В статье реализуется часть обозначенных исследовательских этапов, закладывается основа для дальнейшего углубленного осмысления места и роли традиционного песенного фольклора в жизни современного общества. С опорой на сравнительно-типологический метод рассматривается современное состояние автохтонной фольклорной традиции мордвы-эрзи сел Новая Пырма и Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия; анализируются изменения, произошедшие в репертуаре и жанровом составе в XX — начале XXI в.; выявляются наиболее характерные особенности поэтики образного строя и функций песен, в том числе социально-регулятивных. На основе рукописных материалов Научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, современных записей, сделанных во время фольклорной экспедиции 2022 г., отдельных опубликованных источников устанавливаются некоторые связи с переселенческой песенной традицией мордвы-эрзи Кемеровской области; делается вывод об устойчивой сохранности в ней отдельных жанров в условиях оторванности от «материнской» территории.

Ключевые слова: фольклор мордвы-эрзи, Мордовия, Кочкуровский район, Кемеровская область, автохтонная традиция, жанр, поэтика, песня

Финансирование: статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов», № 19-78-10113).

Для цитирования: Зубов И. В., Евстигнеева Е. И. Современное состояние фольклорной традиции мордвы-эрзи Кочкуровского района Республики Мордовия по материалам экспедиции 2022 г. // Центр и периферия. 2023. Т. 18, № 4. С. 47 — 57. EDN DMIBKO

© Зубов И. В., Евстигнеева Е. И., 2023

С 10 по 20 октября 2022 г. состоялась экспедиция с целью сбора полевых материалов по музыкальному фольклору мордвы-эрзи Кочкуровского района Республики Мордовия. Авторами данной статьи были обследованы села Новая Пырма и Семилей — места выхода переселенцев в Кемеровскую область, где в разные годы были сделаны записи разножанровых образцов песенного фольклора, на основе которых изучались проблемы сохранности произведений внутри жанра, выявлялись некоторые особенности их бытования на новой территории и т. д. В ходе работы были опрошены как индивидуальные исполнители, так и участники действующих фольклорных коллективов «Гайги вайгель» и «Вастома». Помимо формирования коллекции аудиозаписей по автохтонной фольклорной традиции перед участниками экспедиции стояла задача установить изменения, произошедшие в репертуаре местных исполнителей, и определить социально-регулятивные функции песенного творчества на современном этапе.

Поскольку сопоставительный анализ и выявление динамики произошедших трансформаций на обследованной территории, а также определение синхронно-диахронных параллелей с переселенческими очагами невозможны без обращения к истокам полевых исследований, в рамках статьи необходимо апеллировать не только к современным записям, но и к истории формирования и изучения фондов фольклорных материалов.

Одним из первых ученых, обратившихся к изучению жанрового разнообразия эрзя-мордовской песни в современных границах территории Кочкуровского района Республики Мордовия в конце XIX — начале XX в., стал М. Е. Евсевьев. В его архивах и опубликованных трудах имеются образцы устно-поэтического творчества (охватывают период с 1891 по 1913 г.) из сел Кочкурово, Семилей, Сабаево, Мордовское Давыдово, Новая Пырма и д. Старая Пырма. Наибольшее количество записей было сделано в 1912 г. в с. Сабаево. Вместе они составляют объемный корпус материалов с преобладанием лирических и исторических песен, характеризующий начальный период изучения фольклорной традиции мордвы-эрзи в обозначенном ареале. Кроме того, полученные сведения и наблюдения позволили М. Е. Евсевьеву сделать ряд значимых выводов, в частности, выдвинуть гипотезу о локализации исторической песни «Казань ош» («Город Казань»). На это его натолкнуло изучение говора с. Кожай-Максимово Уфимской губернии, где был зафиксирован один из ее

вариантов. Ученый выяснил, что местными жителями являлись выходцы из д. Турдаково, входившей в Саранский уезд Пензенской губернии, где им было записано еще четыре варианта песни в с. Сабаево и д. Пырме [1, с. 386 — 387]. По мнению М. Е. Евсевьева, в д. Пырме им были записаны одни из лучших свадебных причитаний (аварькшнемат), полученных в ходе его многолетней работы в разных губерниях, где проживала мордва-эрзя.

Дальнейшее изучение местных фольклорных традиций связано с экспедициями НИИМК (ныне — Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН)). Ученые института работали в основном в селах Сабаево, Мордовское Давыдово и Старые Турдаки¹. За счет проведенной в первой половине XX в. работы заметно расширилось представление о жанровом многообразии песенного творчества, получила развитие проблема формирования репертуара фольклорных ансамблей, бытующих на автохтонной территории. Так, несмотря на необходимость комплексного рассмотрения специфики музыкального творчества мордовского народа, которая «равно опирается как на мокшанский, так и на эрзянский фольклор» [6, с. 7], Г. И. Сураев-Королёв отмечал, что «наряду с повсеместным бытованием мордовской народной песни обращают на себя внимание как бы особые заповедники народной музыкальной культуры. Например в Атяшевском районе село Алово, в Кочкуровском — Новая Пырма...» [5, с. 9]. Этими особенностями, на наш взгляд, и обусловлен постоянный интерес к сольному и коллективному исполнительскому искусству в работах музыковедов.

Современные исследователи, опираясь частично на классификацию Н. И. Бояркина и на собственные полевые наблюдения, связывают жанровое разнообразие в репертуаре ансамблей с их активной концертной деятельностью: «Жанровый состав репертуара сельского коллектива, согласно нашим наблюдениям, во многом определяется характером его деятельности. В процессе сбора информации была выявлена следующая зависимость: чем более активную концертную деятельность ведет ансамбль, тем шире и разнообразнее в жанровом отношении его репертуар. К примеру, Старотеризморгский народный хор (с. Старая Теризморга), ансамбли „Ару лихтибря“ (с. Левжа) и „Гайги вайгель“ (с. Новая Пырма), часто гастролирующие не только в Мордовии, но и за ее пределами, поют песни всех жанров, характерных

¹ НА НИИГН (Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия). Л-28. Свадебные песни, молитвы, религиозные обряды, гадания, пословицы и слова, записанные Л. П. Тарасовым, Л. С. Кавтаськиным и др. в селах Кочкуровского района МАССР в 1936 г.; Л-30. Свадебные причитания, записанные Л. П. Тарасовым, Л. С. Кавтаськиным и др. в Кочкуровском районе во время фольклорной экспедиции в 1936 г.; Л-84. Материалы фольклорной экспедиции 1948 г. (песни, сказки, легенды, предания), записанные в селах Мордовское Давыдово и Сабаево Кочкуровского района Мордовской АССР; Л-98. Фольклорный материал, собранный Л. С. Кавтаськиным в 1948 г. в селах Сабаево и Мордовское Давыдово Кочкуровского района МАССР; Л-903. Материал, записанный И. С. Сибириаком (Поздьяевым) в с. Турдаки Кочкуровского района.

для мордовской традиции» [2, с. 195 — 200]. Соглашаясь с таким выводом, добавим, что «включенность» в репертуар «Гайги вайгель» ряда произведений требует, на наш взгляд, дифференцированного подхода. На это указывают, в частности, материалы полевых наблюдений и некоторые выводы, сделанные в научных работах. В качестве примера можно рассмотреть лирическую «Тусь авинесь» («Пошла матушка») и историческую «Татюшень кулос авазо» («У Татюши умерла мама») песни, записанные во время экспедиции в 2022 г.

Самая ранняя запись песни «Тусь авинесь» сделана Б. И. Арановичем в 1958 г. в с. Новая Пырма, впоследствии ее нотированный вариант вместе с текстом и переводом был размещен в сборнике «Мордовские народные песни» (1969, 2015). Позднее, в 1983 г., В. Б. Русяйкин записал эту песню в д. Кочкуровка Беловского района Кемеровской области, сюжетный и образный ряд которой практически полностью повторяет (за исключением концовки, которая в сибирском варианте не сохранилась) раннюю и современную записи, сделанные в с. Новая Пырма. Небольшие изменения наблюдаются также в фонетических особенностях исполнения:

В. Б. Русяйкин, сделавший запись данной песни в Кемеровской области, отмечал, что многие населенные пункты Сибири, в которых оседали переселенцы из Мордовии, образованы по принципу землячества, что особенно заметно по сохранности фольклорных традиций. «Так, например, в песенном репертуаре жителей деревни Кочкуровка Беловского района Кемеровской области значатся те же тексты, что бытуют у мордвы райцентра Кочкурово Мордовской АССР и близлежащих селений»³. Косвенное подтверждение нашему предположению мы находим и в работе С. В. Колесниковой, которая относит ансамбль «Гайги вайгель» к вторичным фольклорным коллективам, но при этом утверждает, что «носителями подлинной народной артикуляции являются сельские коллективы: Старотеризморгский народный хор, фольклорные ансамбли „Гайги вайгель“, „Норовава“, „Лаймонь панчфкя“, „Мокшава“, „Лихтибряня“, „Пизельне“, „Мокшаваня“, „Ару лихтибря“, для которых аутентичная манера пения является первичной, приобретенной традиционным устным путем» [3, с. 14]. Информанты двух обследованных нами сел отмечали, что эта песня «местная»: или «кочкуровская» [ПМА: Беззубова, Бекшаева], или «пурнень» («пырминская»), и нигде больше

Сибирский вариант.

Деревня Кочкуровка Беловского района Кемеровской области. Запись 1983 г.

Тусь авинесь садга, кальга якама,
Да мусь авинесь кальпулусту кальдяка.
Мусь авинесь да кальпулусту кальдяка.
Да экшелезе экшелезе, нардызе.
Экшелезе, да, экшелезе, нардызе,
Каень карьнис, каень карьнис каизе.
Каень карьнис да каень карьнис каизе,
Да утю-балю, утю-балю, бай-балю!²

(«Пошла женщина по саду, ивняку ходить,
Да нашла женщина в ивняке подкидыша.
Нашла женщина да в ивняке подкидыша.
Да искупала, искупала, вытерла.
Искупала да искупала, вытерла,
В драный лапоток, в драный лапоток положила.
В драный лапоток, в драный лапоток положила,
Да утю-балю, утю-балю, бай-балю!»)

Поволжский вариант.

Село Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись 2022 г.

Тусь авинесь кальбулова якамо,
Мусь авинесь кальбулосто кальдякай.
Мусь авинесь калбулосто кальдякай,
Экшелезе, экшелезе — ваннызе,
Экшелезе, экшелезе — ваннызе,
Каень карьнес каизе.
Каень карьнес каизе,
Утю-балю, утю-балю, бай-баю!

(«Пошла матушка по ивняку ходить,
Нашла матушка в ивняке подкидыша.
Нашла матушка в ивняке подкидыша,
Искупала, искупала — рассмотрела,
Искупала, искупала — рассмотрела,
В драный лапоток положила.
В драный лапоток положила,
Утю-балю, утю-балю, бай-баю!»)

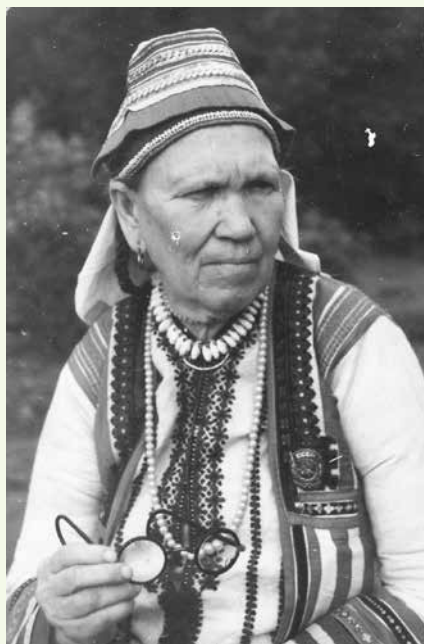
[ПМА: Устинова, Фролкина, Агеева, Адмайкина, Лазуткина]

² НА НИИГН. Л-836. Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций 1983 — 1986 гг. в мордовские населенные пункты Сибири. Л. 2.

³ Там же. Л-837. Фольклорный материал, собранный во время фольклорно-музыкальных экспедиций 1983 — 1986 гг. в мордовские населенные пункты Сибири. Ч. 1. Л. 4.

они ее не слышали [ПМА: Начаркина, Адмайкина]. Отметим, что известные нам варианты исполнения этой песни, которые на данный момент бытуют в различных районах Мордовии и включены в репертуар нескольких фольклорных коллективов, опираются именно на запись Б. И. Арановича, а не являются наследием локальной традиции.

Схожая ситуация просматривается и в истории фиксации и бытования песни «Татюшень кулось авазо». Ранняя запись этой песни известна по материалам М. Е. Евсевьева, собранным в 1912 г. в с. Сабаеве. Чуть позже, в 1936 г., были выявлены еще два варианта этой песни в с. Кочкурове Кочкуровского района Мордовии. Интересным и неоднозначным явлением стали изменения (привнесение дополнительных сюжетных линий), наблюдавшиеся в развернутом варианте песни, записанном в 1941 г. фольклористом Л. С. Кавтаським от жительницы с. Семилей Ф. И. Беззубовой. Так,

*Ф. И. Беззубова, народная сказительница, народная певица МАССР. 1948 г. ЦГА РМ
F. I. Bezzubova, folk storyteller, People's singer of the MASSR. 1948 Central State Archive of the Republic of Mordovia*

в песне теряется основное событие, с которого начинаются все известные варианты, — смерть матери и обретение мачехи по просьбе самой главной героини. При этом весьма ярко выделяется тема плена, характерная для центрального сюжета цикла известных у мордвы исторических песен: «Сзади всех отставший губанец / Кисточки Татюши заметил, / За ужовки ее уцепился, / На берег ее вытащил, / Поперек седла ее бросил, / Сырым ремнем привязал ее, / В ногайскую землю увез ее»⁴. Дальнейшее развитие сюжета подчиняется уже сказочным мотивам: узнавших друг друга в плену

*Л. С. Кавтаськин, фольклорист, литературовед. 1936 г. НА НИИГН
L. S. Kavtaskin, folklorist, literary critic. 1936. Scientific Archive of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*

двух сестер, которые сбежали от ногайца, укрывают по дороге домой береза, дуб, берег реки. Беглянки общаются с ними человеческим языком. Можно предположить, что такой симбиоз возник благодаря попытке объединить наиболее устойчивые элементы повествования, хорошо известные исполнительнице по устному народному творчеству, и использованные для создания фактически нового произведения, насыщенного художественной детализацией, свойственной сразу нескольким жанрам фольклора. Основанием для этого мог послужить большой импровизаторский талант сказительницы Ф. И. Беззубовой.

Масштабные изменения в исполнительских вариантах песни произошли ближе к середине XX в., значительным образом сказавшиеся на более поздних вариантах, записанных как на территории Мордовии, в том числе во время экспедиции 2022 г., так и в местах переселения кочкуровской мордвы в Сибирь. В рукописных фондах НИИГН нами была обнаружена песня «Татюшень кулось, юмась авазо», записанная Л. С. Кавтаським в с. Сабаеве в 1948 г., не вошедшая в известные на сегодняшний день опубликованные фольклорные сборники. В ней фактически произошло сокращение сюжета, ограниченного описанием тяжелого труда падчерицы, которую мачеха заставляла выполнять тяжелую работу, вместо того, чтобы отпустить гулять с подругами⁵. Таким образом, кардинально смещаются оценочные акценты, усиливающие в изначально исторической песне балладные признаки. Это заметно и по концовкам песни, бытовавшей в 1983 г. в Кемеровской области, а также продолжающей исполняться в с. Новая Пырма в наши дни.

⁴ Устно-поэтическое творчество мордовского народа: в 12 т. Т. 1: Эпические и лиро-эпические песни. Саранск, 1963. С. 286. URL: <http://www.niign.ru/arhivnii/uptmn-t-1-1-1-1.pdf>

⁵ НА НИИГН. Л-98. Л. 23 — 25.

*Сибирский вариант.**Деревня Кочкуровка Беловского района Кемеровской области. Запись 1983 г.*

Ох, муськи, муськи — чопавте,
 Ох, да чови, чови — кенирьде.
 Ох, удалув варштась — чизэ валгсь,
 Ох, да икелев варштась — сундирьгадсь.
 Ох, эзь туивть Тятюша аштиме,
 Ох, да эзь туивть Тютюша гостяма⁶

(«Ох, стирает, стирает — полощет,
 Ох, да мнет, мнет — выжимает.
 Ох, назад посмотрела — солнце село,
 Ох, да вперед посмотрела — смеркалось.
 Ох, не смогла пойти Тятюша на посиделки,
 Ох, да не смогла пойти Тятюша гостить»)

*Поволжский вариант.**Село Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия. Запись 2022 г.*

Тятюша муськи-чемерди,
 Сон шкиней кольге-аварьди.
 — Од аванть пеца да маштнеза,
 Мазавасть пецац педязя!

(«Тятюша стирает,
 Она родненькая слезы льет — плачет.
 — Пусть мачеха умрет,
 Пусть к красивой женщине кончина пристанет!»)

[ПМА: Устинова, Фролкина, Агеева, Адмайкина, Лазуткина]

Возвращаясь к вопросу выяснения границ локализации данной песни, следует упомянуть позицию музыковеда Т. И. Одиноквой, непосредственно принимавшей участие в исследовании музыкального фольклора мордвы во время многочисленных полевых фольклорных экспедиций в течение XX в. Комментируя нотацию напева песни «Тятюшань кулось авазо», записанной в с. Новая Пырма в 1973 г., она указала на то, что это «один из местных типовых напевов, с которыми исполняются (включая баллады о полоне) и произведения о человеческих жертвоприношениях при строительстве общественных сооружений»⁷. Все эти наблюдения позволяют с высокой степенью достоверности говорить о границах локализации этих двух песен (за исключением отдельных текстовых вариантов) в пределах Кочкуровского района Мордовии.

Лирические песни, преобладающие в репертуаре исполнителей сел Новая Пырма и Семилей, имеют характерную устойчивость в поэтике образного ряда, сохраняющейся на протяжении практически всего периода их бытования, включая современность.

Если образ человека (особенно основной персонаж в сюжете песни) разработан вполне объемно (внешность, характерное поведение в обществе, трудовые навыки, место и роль во взаимоотношениях внутри семьи, представления об окружающем мире и т. д.), то вспомогательные, чаще природные объекты, заключающие в себе второстепенные функции, описаны

скромнее. Исключение составляют олицетворения человека в этом объекте. Так, девушка ассоциируется с деревом (чаще с березой), у которой «ветви — руки / ноги», «листья — лица», «сережки — дети» и т. д.⁸ В популярной у местных исполнителей песне «Вай, иля пува, варма, вирь ланга» (Ой, не дуй, ветер, над лесом») одним из устойчивых объектов является сосна, которая должна охранять тишину, покой влюбленных — Маши и Вани, находящихся под ней. И поволжские, и сибирские варианты (известны по разновременным записям, сделанным в деревнях Чусовитино и Павловка Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области, д. Кочкуровка Беловского района Кемеровской области) песни начинаются с обращения к ветру с просьбой не гнуть, не качать красивую (красную) сосну, у которой болит, кружится голова, что предвещает какое-то недоброе событие или плохую новость, в данном случае — призыв главного героя в армию и расставание с девушкой (в некоторых вариантах — гибель). Символом счастливой семейной жизни в песне выступает дом (келья), который обещает построить парень, и посадить вокруг него сад.

Песни с балладными мотивами, напротив, концентрируют отрицательные эмоции в детализации сюжетных коллизий, мелких уточнениях, которые должны способствовать выработке эмпатии у слушателя. Так, в песне «Маштыть, авакай, трямом-ваномом» («Смогла, матушка, ты меня взрастить-воспитать») упоминается

⁶ НА НИИГН. Л-836. Л. 3.

⁷ Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 1, кн. 2: Исторические песни XVI — XVIII вв. Саранск, 1977. С. 347. URL: <http://www.niign.ru/arhivnii/uptmn-t-1-kn-2.pdf>

⁸ Это особенно заметно по песне «Мадинь, удынь, а урякай» («Легла, спала я, сношенька»), зафиксированной нами в обследованных селах.

множество тревожных звуков, нарушающих ночную / предрассветную тишину, символизируя приход врага — «вора» (нелюбимого мужа): «Вай, чикор панжовсь воронть ортанза, / Унгозевсь воронь цепсэ кисканза» («Ой, со скрипом открылись у вора ворота, / Залаяла у вора на цепи собака») [ПМА: Устинова, Фролкина, Агеева, Адмайкина, Лазуткина]. Усиление трагизма ситуации происходит через дальнейшее уточнение эстетических качеств и ценности «украденного» добра: «Те кишти да конесь те монь тетень. / Мазый крандаснэ — васькамо леленень, / Вай покштаз панарось шкинень монь авань» («Этот пляшущий конь — моего отца. / Красивая телега — дорогого моего дядюшки, / Самая лучшая рубаха — родненькой моей мамы»)⁹.

Еще одной задачей при изучении современного состояния фольклорной традиции Кочкуровского района Республики Мордовии было формирование общих представлений о социально-регулятивных функциях приуроченных произведений, которое возможно с учетом выяснения этнографических обстоятельств их бытования.

Своеобразие местной исполнительской традиции выражается в форме и обстоятельствах исполнения приуроченных произведений. Так, в с. Новая Пырма нами были зафиксированы 2 калядные песни на один типовой напев, обычно исполнявшиеся вечером накануне Рождества детьми. Известно, что у местной мордвы они исполнялись не только во время праздничного рождественского обхода дворов, но и во время свадьбы: «В с. Новая Пырма Кочкуровского района РМ колядки пели не родственницы жениха, а подружки невесты, которые приходили ее проведать на второй день после свадьбы» [7, с. 172]. Эту информацию подтвердили нам и местные жители в 2022 г.: «Мы на свадьбе ставили чемодан посередине, сами становились вокруг него и вместе пели „Каляда!“» [ПМА: Адмайкина, Бояркина].

Более обширным материалом, позволяющим проследить влияние приуроченных произведений на общественное поведение и его регламентацию, безусловно, является свадебный фольклор, в котором проявляются типологические черты основных действующих лиц.

В ходе работы экспедиции нам удалось встретиться с исполнительницей старшего поколения Е. П. Начаркиной, 1939 года рождения, в репертуаре которой особое место занимают свадебные песни. Ее, многодетную маму, раньше часто приглашали на свадьбы в качестве свахи и «овто» («медведя») — традиционного действующего лица в эрзянской свадьбе. Такую почетную «должность» могли предложить только замужней, имевшей детей женщине, которая была счастлива в

браке. От этой исполнительницы, которая хорошо знает свадебные обряды (сватовство, свадьба, «баба ряд» («бабий праздник»), проводившийся на третий день свадьбы, во время которого устраивали моление в честь предков и др.), нами был записан текст благопожелания «овто» молодым, произносимый в первый день свадьбы, во время встречи молодоженов, сопровождавшийся посыпанием молодых хмелем. От нее же удалось записать «аварькшнема» — причитание невесты, которое она исполняла в своем доме перед матерью в первый день свадьбы. Уточнение роли невесты и ее действий на определенном этапе проведения свадьбы позволило зафиксировать вариант величальной песни в честь невесты «Кодамо мазы минь ветятанок!» («Какую красивую мы ведем!»), после исполнения которой молодая начинала одаривать гостей в доме жениха. Несмотря на незначительное участие во всем цикле свадебного обряда свадебных гостей, они также должны были выполнять обусловленные сложившейся традицией действия. Так, со слов Е. П. Начаркиной, во

И. В. Зубов с Е. П. Начаркиной, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия. 2022 г.

I. V. Zubov with E. P. Nacharkina, the village of Semiley of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia. 2022

время выкупа свадебного стола родственники невесты исполняли песню «Авай, кудакай, боярнем» («Мама, сватушка, боярушка»), адресованную поезжанам со стороны жениха, после которой происходил символический выкуп, и все гости усаживались за стол. На сегодняшний день большая часть этих этапов свадьбы забыта, а ее упрощение, по словам информантов, не дает возможности людям «почувствовать по-настоящему атмосферу праздника» [ПМА: Бекшаева].

⁹ Сопоставимые характеристики в описании предметов и природных объектов встречаются и в сибирских вариантах, записанных в деревнях Чусовитино, Родниковая и Павловка Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

*И. В. Зубов с М. П. Ведяйкиной,
Р. А. Устиновой, П. Н. Фролкиной,
Е. Г. Адмайкиной, В. Н. Лазуткиной,
с. Новая Пырма Кочкуровского района
Республики Мордовия. 2022 г.*

*I. V. Zubov with M. P. Vedyaikina,
R. A. Ustinova, P. N. Frolkina,
E. G. Admaykina, V. N. Lazutkina,
the village of Novaya Pyрма
of the Kochkurovsky District
of the Republic of Mordovia. 2022*

В с. Новая Пырма также были зафиксированы образцы приуроченных свадебных песен, среди которых песня родственников жениха, исполнявшаяся в первый день свадьбы перед ее началом, 2 корильные песни, адресованные невесте, прибывшей со свадебным поездом в дом жениха, и призванные принизить качества будущей жены до момента ее окончательного символического приема в новую семью, 1 величальная песня, исполняемая во время введения молодой в дом мужа. Все они хорошо известны местным исполнительницам и при удобном случае их поют во время проведения местных свадеб, «чтобы все было как положено» [ПМА: Фролкина, Агеева].

Актуальным для с. Новая Пырма остается и обряд проводов весны «Веснань ливтямо» («Проводы весны»), называемый здесь также «Конень ливтямо» («Проводы коня»), во время которого исполнялась песня «Тундось ётась» («Весна прошла»). Пение этой песни, исполнявшейся участниками обряда, собиравшимися с каждой улицы, сопровождалось обязательной подготовкой чучела коня, а также участием двух ряженных девушек или девочек в праздничной одежде, с венками из березовых и кленовых веток на голове — «куклат» («куклы»). Их задачей было исполнение танцев во время остановки процессии у очередного дома под пение песни для традиционного сбора продуктов, в основном яиц [ПМА: Адмайкина]. Окончание шествия в конце села обозначалось прекращением пения песен и разбором чучела уже за его пределами, на поле, где раньше, по воспоминаниям информантов, устраивалась трапеза с молением. Для этого стелили на землю полотно, на которое раскладывали принесенную еду — брагу, пироги и др., после чего начинали моление. Пожилые женщины, которые его проводили, произносили пожелания здоровья, мира, чтобы молодые женщины рожали детей. Кроме того, обязательным счи-

талось произнесение пожелания, которое завершало собой весенний период и открывало летний: «Пандя, озим, тетя, ней розь!» («Хватит тебе, озимь, теперь рожь!») [ПМА: Адмайкина]. Во второй половине XX в. обряд проводов весны заканчивался иначе — совместным празднованием его участников с разделением на группы от разных улиц с застольем, устраиваемым у одного из домов села.

В с. Семилей участники обряда, которым отводилась роль ряженных, передевались в старика и старуху, а также жениха и невесту [ПМА: Начаркина]. Эти персонажи должны были развлекать всех участников пением и танцами. Со слов местных жителей нам также удалось выяснить, что песни здесь во время проводов весны исполнялись разные, однако специальной песни, сопровождающей обрядовое шествие по селу (в отличие от с. Новая Пырма), здесь не было.

По итогам проведенной в 2022 г. экспедиции отметим, что нами было опрошено более 30 информантов и сформирована аудиоколлекция материалов традиционного фольклора мордвы-эрзи, бытующего на автохтонной территории. В результате опросов были получены сведения относительно бытования приуроченных и неприуроченных жанров в жизни местного населения на современном этапе, внесены уточнения относительно функционирования ряда произведений, зафиксированы изменения современного песенного репертуара, повлиявшие, по словам информантов, на восприятие праздничной культуры сельскими жителями в целом.

Наиболее ценные материалы были собраны в с. Новая Пырма, здесь удалось записать 23 произведения разных жанров: 4 свадебные, 2 исторические, 3 плясовые, 3 лирические песни, 1 шуточная «Полай, полай, Настасия» («Супруга, супруга, Анастасия»), 5 семейно-

бытовых с балладными мотивами, 2 песни «Зеленый дубочек» и «Там вдали, в горах Карпатов» на напев солдатской песни времен Первой мировой войны «Изда гор крутых Карпатских...», исполняемые на русском языке, 1 колыбельная песня и 1 потешка, а также вариант песни «Ташто Мурзав аштеме» («В Старые Турдаки гостить»), вероятно, ранее принадлежавшей к жанру трудовых песен, называемых иногда у мордвы-эрзи «аштень кудонь морот» («песни на посиделках»), пронизанная мотивом ткачества. В процессе бытования в ней отразились поздние напластования, признаки нового, получившего более широкое распространение лирического жанра.

Ситуация в с. Семилей отличается от с. Новая Пырма в плане сохранности традиционного фольклора. К сожалению, можно констатировать, что современными исполнителями певческие традиции не перенимаются. Несмотря на преобладание в национальном составе мордвы-эрзи, собственные песни в селе практически не поют, в быту не звучат прозаические жанры фольклора. Обстоятельства усугубляются и тем, что даже произведения, имеющие обрядовую приуроченность и традиционно демонстрирующие наибольшую сохранность, не наблюдаются в жизни местного населения. Более того, полученные материалы позволяют выявить возрастной срез 40 — 60-летних информантов из числа коренных жителей, у которых, согласно опросам, за исключением фрагментов календарной обрядности не осталось в памяти даже названий песен, бытовавших ранее на исследуемой территории. Исключения составляют предпринимаемые попытки возрождения обхода домов детьми накануне Рождества, в ходе которого исполняется колядка по тексту, вос-

производимому из печатных источников. Собственных колядок в селе не помнят. Тем не менее, в ходе работы экспедиции удалось выявить песни, известные по ранним записям, сделанным у мордвы-эрзи Кочкуровского района Мордовии, и переселенцев в Кемеровской области: лирические «Мадинь, удьнь, вайх, урякай» («Легла, спала я, невестушка»), «Вай, иля пува, варма, вирь ланга» («Ой, не дуй, ветер, над лесом»), шуточная плясовая «Самсон леляй, ков якить?» («Дядя Самсон, куда ходил?»), историческая «Ой симат, ярсат, саранской эрзя» («Ой, пьешь, ешь, саранский эрзянин») и др. В данном селе было записано 26 образцов песенных жанров, среди которых 10 частушек, 1 троицкая песня, 5 свадебных, 1 колядка, 1 застольная (семейно-бытовой тематики), 4 плясовые, 1 историческая и 3 лирические песни.

Проанализированный песенный репертуар автохтонного ареала и факты его бытования среди исполнителей в переселенческих очагах позволяют говорить об их значительной устойчивости в переселенческой песенной культуре, особенностью которой является в том числе то, что «...в некоторых мордовских селах и деревнях Сибири фольклорные традиции сохранились лучше, чем на исходных местах. Особенно это характерно для традиционной свадебной обрядовой и необрядовой лирики» [4, с. 76]. Выявленные параллели в приведенных примерах сел Новая Пырма и Семилей указывают на их единство с сюжетно-тематическим фондом материалов, полученных от мордвы Сибири, в частности мордвы-эрзи Кемеровской области, что позволяет в дальнейшем рассматривать их как комплексное явление на автохтонной и переселенческой территориях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евсевьев М. Е. Избранные труды: в 5 т. Т. 5: Историко-этнографические исследования. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. 552 с.
2. Исаева С. А. Современное состояние песенной традиции мордвы (на основе материалов музыкально-этнографических экспедиций) // Манускрипт. 2020. Т. 13, вып. 11. С. 195 — 200.
3. Колесникова С. В. Народно-песенная артикуляция в контексте исполнительского фольклоризма (на примере вторичных певческих коллективов Республики Мордовия): автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2020. 22 с.
4. Русайкин В. Б. О песенном репертуаре мордовского населения Сибири // Фольклор в творчестве мордовских писателей и композиторов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. С. 72 — 80. (Тр. / НИИЯЛИЭ; вып. 86). URL: [http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/folklor-v-tvorchestve-mordovskix-pisatelej-i-kompozitorov-\(vyip.-86\)](http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/folklor-v-tvorchestve-mordovskix-pisatelej-i-kompozitorov-(vyip.-86))
5. Сураев-Королёв Г. И. Введение // Мордовские народные песни. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969. С. 7 — 17.
6. Сураев-Королёв Г. И. Многоголосие и ладовое строение мордовской народной песни (мордовская многоголосная пентатоника). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 37 с.
7. Шамова Л. Н. Причетные формы мордвы-эрзи Присурья. Саранск, 2016. 240 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/prichetnyie-formyi-mordvyi.pdf>

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРОВ

1. Агеева Роза Степановна, 1938 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
2. Адмайкина Евдокия Герасимовна, 1947 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
3. Беззубова Марина Ивановна, 1970 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
4. Бекшаева Любовь Ивановна, 1962 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
5. Бояркина Мария Дмитриевна, 1962 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
6. Лазуткина Вера Николаевна, 1959 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
7. Начаркина Елизавета Павловна, 1939 года рождения, с. Семилей Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
8. Устинова Раиса Алексеевна, 1938 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.
9. Фролкина Прасковья Николаевна, 1942 года рождения, с. Новая Пырма Кочкуровского района Республики Мордовия, запись 2022 г.

Информация об авторах:

Игорь Васильевич Зубов, главный научный сотрудник — заведующий отделом литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3); старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8), кандидат философских наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>, komoro@rambler.ru

Екатерина Ивановна Евстигнеева, младший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8), ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7096-8511>, evstignee@yandex.ru

Вклад авторов:

Зубов И. В. — разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи;

Евстигнеева Е. И. — сбор данных, редактирование переводов национального текста.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 28.04.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 06.07.2023.

Original article

THE CURRENT STATE OF THE FOLKLORE TRADITION OF THE MORDVINS-ERZYA IN THE KOCHKUROVSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE EXPEDITION IN 2022

I. V. Zubov^{1, 2} ✉, E. I. Evstigneeva²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² Institute of Philology of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
✉ komoro@rambler.ru

Abstract

The problem of studying autochthonous song traditions is one of the most relevant in regional Russian folklore studies. Its step-by-step solution will make it possible in future to establish connections with oral and poetic works of the resettlers in general, to identify genetic similarities in the studied areas, to clarify the features and causal relationships of transformations occurring at the level of plots, motives and separate episodes in a synchronous-diachronic section. A great contribution to the description of local folklore traditions will be the definition of structural and typological characteristics, in particular poetics, musical and stylistic parameters of timed and non-timed songs, etc. A broader, integrated approach to this issue will allow to actualize textual and musicological research of local and regional traditions, to discover new song patterns and to determine changes within the genre boundaries of specific works. The article implements part of the designated research stages, lays the foundation for further in-depth understanding of the place and role of traditional song folklore in the life of modern society. Based on the comparative typological method, the current state of the autochthonous folklore tradition of the Mordvins-Erzya of the villages of Novaya Pyrma and Semiley of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia is considered, the changes in the repertoire and genre composition in the XX — the early XXI century are analyzed; the most characteristic features of the poetics of the figurative structure and functions of songs, including socio-regulatory ones, are revealed. On the basis of manuscript materials of the Scientific Archive of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, modern notes made during the folklore expedition in 2022, some published sources some connections with the resettlement song tradition of the Mordvins-Erzya of the Kemerovo Region are established, the conclusion is made about the stable preservation of individual genres in it in conditions of isolation from the native territory.

Keywords: folklore of the Mordvins-Erzya, Mordovia, the Kochkurovsky District, the Kemerovo Region, autochthonous tradition, genre, poetics, song

Funding: the article was prepared with the support of the RNF (project “Folklore of the autochthonous and resettlement traditions of the peoples of the Volga Region in modern records and historical dynamics: an interactive atlas of sounding texts”, No. 19-78-10113).

For citation: Zubov IV, Evstigneeva EI. The current state of the folklore tradition of the Mordvins-Erzya of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia according to the materials of the expedition in 2022. *Center and Periphery*. 2023;18(4):47—57. EDN DMIBKO

REFERENCES

1. Evseviev ME. Selected works in 5 volumes. Saransk;1966;5. (In Russ.)
2. Isaeva SA. Modern state of the Mordva song tradition (on the basis of the musical-ethnographic expeditions materials). *Manuscript*. 2020;13(11):195—200. (In Russ.)
3. Kolesnikova SV. Folk song articulation in the context of performing folklore (on the example of secondary singing groups of the Republic of Mordovia). Abstract of the dis. ... Cand. Culturology. Saransk;2020. (In Russ.)
4. Rusyakin VB. About the song repertoire of the Mordovian population of Siberia. *Folklore in the works of Mordovian writers and composers*. Saransk;1986;(86):72—80. URL: [http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/folklor-v-tvorchestve-mordovskix-pisatelej-i-kompozitorov.-\(vyip.-86\)](http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/folklor-v-tvorchestve-mordovskix-pisatelej-i-kompozitorov.-(vyip.-86)) (In Russ.)
5. Suraev-Korolev GI. Introduction. *Mordovian folk songs*. Saransk;1969:7—17. (In Russ.)

6. Suraev-Korolev GI. Polyphony and the fret structure of the Mordovian folk song (Mordovian polyphonic pentatonic). Saransk;2007. (In Russ.)

7. Shamova LN. Lament forms of the Mordvins-Erzya of the Sura Region. Saransk;2016. URL: <http://www.niign.ru/knigi/prichetnyie-formyi-mordvyi.pdf> (In Russ.)

AUTHORS FIELD MATERIAL

1. Ageeva Rosa Stepanovna, born in 1938, the village of Novaya Pyrma of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

2. Admaykina Evdokiya Gerasimovna, born in 1947, the village of Novaya Pyrma of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

3. Bezzubova Marina Ivanovna, born in 1970, the village of Semiley of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

4. Bekshaeva Lyubov Ivanovna, born in 1962, the village of Semiley of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

5. Boyarkina Mariya Dmitrievna, born in 1962, the village of Novaya Pyrma of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

6. Lazutkina Vera Nikolaevna, born in 1959, the village of Novaya Pyrma of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

7. Nacharkina Elizaveta Pavlovna, born in 1939, the village of Semiley of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

8. Ustinova Raisa Alekseevna, born in 1938, the village of Novaya Pyrma of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

9. Frolkina Praskovya Nikolaevna, born in 1942, the village of Novaya Pyrma of the Kochkurovsky District of the Republic of Mordovia, recorded in 2022.

Information about the authors:

Igor V. Zubov, Principal Researcher — Head of Department of Literature and Folklore of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia); Senior Researcher of Folklore Sector of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russia), Candidate of Philosophical Sciences, Associated Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2836-7969>, komoro@rambler.ru

Ekaterina I. Evstigneeva, Junior Researcher of Folklore Sector of the Peoples of Siberia of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaeva Str., Novosibirsk 630090, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7096-8511>, evstignee@yandex.ru

Contribution of the authors:

Zubov I. V. — concept development, methodology development, data collection and literature analysis, writing the initial version of the article;

Evstigneeva E. I. — data collection, editing of translations of the national text.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

The article was submitted 28.04.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 06.07.2023.